Коннор

Одного из моих учеников звали Коннор. Его привели в середине года. Папа – крупная шишка в Exxon Mobil. Мама, естественно, домохозяйка. Пацан оказался слегка тормозной. Тихий, молчаливый. Безучастный ко всему. Одноклассники иногда его дразнили. Коннор реагировал вяло. Как-то раз я объяснял ему принцип умножения с помощью так называемых бусинок Монтессори. Коннор смотрел мимо.

– Ты понимаешь, что мы делаем? – спросил я.

– Да, – ответил он.

– Что?

– Числа могут умножаться, – с трудом выговорил он.

Я подумал, что надо бы отдать его в спецкласс.

На следующий день Коннор попросил Таблицу 100. Это ему было рано. Но отказывать ребёнку в частной школе не принято. Таблица 100 – это большой квадрат, разделённый на сто маленьких. И горсть пластиковых квадратиков с числами. Задача в том, чтобы выложить из них элементарную таблицу умножения. Десять по горизонтали и вертикали. А внутри перемноженные величины.

Я медленно собрал половину таблицы. Коннор смотрел в угол чуть выше моего плеча.

– Хочешь дальше? – предложил я.

– Ага.
Он позвал меня через час. Таблица была собрана верно.
– Тебе кто-то помог?
Коннор помотал головой. Я не поверил.
– А ещё раз с начала?
Он кивнул. Я сдвинул цифры с таблицы, перемешал.
– Поехали.
Я наблюдал за ним. Коннор управился минут за сорок. Это напоминало мистификацию. Будто он знал таблицу умножения и разыгрывал меня. Да – но не с его характером.
На следующее утро Коннор достал Таблицу 100 и сложил её за полчаса. Несколько одноклассников собрались вокруг.
– Хорошо, – сказал я, – усложним задачу.
Я сдвинул с таблицы числа, перемешал и достал наобум – 72.
– Где его место?
– Здесь, – Коннор ткнул пальцем в пересечение 9 и 8. – И ещё здесь.
За три года учительства в России я наблюдал лишь один подобный случай. Когда хочется верить, что это тебе померещилось.
– А без таблицы слабо? – я достал тетрадочку с заданиями.
Коннор нахмурился – писал он с трудом.
– Это не важно, как ты пишешь, – сказал я, – главное – что. А с красотой мы после разберёмся. Попробуй. У тебя получится.
Коннор пыхтел над заданиями остаток дня. Смотрел в пространство, шевелил губами. Забрал тетрадочку домой.
Назавтра у меня состоялся разговор с его мамой. Хельга или Хелена, что-то в этом роде. Крупная, ухоженная блондинка скандинавского типа. Тонкий парфюм. Слегка расфокусированный взгляд.
– Как вам это удалось? – спросила Хельга. – Я Коннора таким счастливым никогда не видела. И эти задания… Он до ночи их решал. Насилу уложили спать.
– Методики хорошие, – скромно ответил я. – И ещё… У вас очень талантливый ребёнок.
– Удивительно. А мы боялись, что… Ладно, не в этом дело. Знаете, мы скоро переезжаем. Мужа переводят в Австралию. И мы решили что-то сделать для этой школы. Для вашего класса. Может, надо что-нибудь из мебели или оргтехники?
– Есть один дидактический материал, голландский. Но стоит дорого. Около двух тысяч.

– Деньги для нашей семьи не проблема, – улыбнулась Хельга. – Как называется материал? Я запишу.
Она достала мобильник.
«Дура! – крикнул я про себя. – Тупая богатая овца! Подари эти деньги мне! Мне!! У меня долги. Я два года не был в отпуске! Ты боялась, что твой сын дебил. А я доказал, что он – гений. Ну, роди скорее, ведь это легко. Кроме того, мы признательны лично вам. Вот два билета на Гавайи с открытой датой…»
Через месяц в школу доставили большой фанерный ящик из Голландии. Благодарности от директрисы в мой адрес не последовало. Не говоря уже о премии. Впрочем, я и не ждал.

Срез

Отвратительно холодный день. Излишне много снега, чёрного леса и галдящих подростков. Соревнование восьмых классов по лыжам. Обычно мне удаётся закосить от подобных мероприятий. Увы, не всегда. К лыжам я более чем равнодушен: по-моему, это спорт для недоумков. Работают конечности, думать необязательно. Да и трудно это на холоде. Кроме того, с детства нервничаю, если ко мне что-то прицеплено, даже часы. Не говоря о спортивном инвентаре.

У меня вообще непростые отношения с физкультурой. А с чем у тебя простые отношения? – спрашивает внутренний голос, напоминающий голос моей жены. Ответить мне нечего. Я не люблю групповые игры: товарищи по команде часто и не всегда цензурно критикуют меня. Например, за то, что в футболе я избегаю ударов головой. Не могу подставить голову под тяжёлый, грязный мяч. Единоборства тоже не вдохновляют. Брезгую контактировать с посторонним вонючим телом. Особенно если в контакт вступает моя челюсть или глаз. Короче, с физкультурой у меня не сложилось. Если не считать быструю ходьбу на работу. И ещё быстрее – назад.

Итак, лыжный кросс. Среди фаворитов гонки – мои друзья Яцек и Юденич. Отличник Аркадий Яцековский и Серёга Юдин, четыре пишем – три в уме. Оба крепкие ребята и упёртые спортсмены.
Стартовали с интервалом в минуту. Вскоре спина предыдущего участника исчезла за деревьями. Сзади никого. Тишина. Я, не торопясь,

скользил по трассе, отмеченной красными флажками. Мечтал о том, как закончатся эти пошлые соревнования. И я вернусь домой, где жаркие батареи. Котлеты с макаронами. Горячий сладкий чай. А ещё диван и плед. И детектив Юлиана Семёнова, взятый до послезавтра.
Но вот запыхтел кто-то сзади. Хэх-ха! Хэх-ха!.. Оборачиваюсь: Яцек ломится, как подорванный. «Лыжню! – орёт издалека, скорость терять не хочет. – Лыжню!!!» Да ради Бога. Только мысли сбил, блин. О чём я думал? Да, хорошо бы срезать как-нибудь…
Вдруг замечаю сквозь деревья просвет. Поляна – километра три в обход, не меньше. Это если по трассе. А если срезать в узком месте… Вон лыжня пошла на срез. Метров триста! Однако кто-то там стоит: похоже, наблюдатель. Присмотрелся, а это Лёха Белешов из класса «В». Двоечник и балда, но человек хороший. Он меня тоже узнал.
– Здорово, – говорю, – Беляш. А ты что не бежишь?
Он широко улыбается, подмигивает.
– А я вчера лыжу сломал. У тебя курить есть?
Поколебавшись, достаю «Мальборо». Я тогда фарцевал американскими сигаретами. Покупал у двоюродного брата оптом. А в школе торговал в розницу, иногда поштучно. Имел две пачки с блока.
Беляш прикурил, с удовольствием затянулся. В воздухе зависло ароматное облачко. Я позавидовал ему, но сдержался.
– Ты меня не видел, окей?
– Ясен пень.
На втором круге опять завернул к Беляшу. Лёха обрадовался – тоскливо стоять без дела.
– С тебя ещё «Мальборо», – говорит.
– А ты не обкуришься?
– Не боись.
Отошли с ним в кусты, перекурили. Он рассказал якобы новый анекдот про Брежнева. Я притворно усмехнулся. Затем вернулся на трассу. То есть опять срезал.
Несколько человек меня обогнали. Потом слышу: иийх-а, иийх-а! Яцек мчится – глаза выпученные, и пар от него идёт. Последние силы отдаёт, бедняга. Снова орёт: «Лыжню, иийх-а! Лыжню!!!» И не вникает, что мы это уже проходили. А ведь отличник. Вот до чего спорт доводит.
На финишной прямой меня легко обошёл Юденич. Он и занял первое место. Второе – Яцек. А третье – обалдеть! – я. Физрук долго и недоверчиво смотрел на хронометр. Потом на меня.
– Хм… Значит, можешь, Неволошин, когда захочешь. Ты не срезал?

– Нет. Вон спросите у Белешова.
– Не. Я б ему не дал, – честно говорит Лёха.
Я ловлю на себе подозрительный взгляд Аркаши Яцековского. Он пытается что-то сообразить. Но он слишком устал.

Об этом давнишнем случае мне напомнил престранный сон.
Фиджи. Plantation Island. Вода слепит, как фальшивый бриллиант. С берега веет рестораном и тропическими цветами. У пристани десяток частных яхт. На них – загорелые, худые люди без возраста. Не знающие, какой сегодня день недели, месяц, год. Единственная забота – хороший ветер. Неужели я один из них? Нет… Да! Иначе откуда здесь моя жена – в шезлонге, с бокалом в руке? Спасибо тебе, Господи.
На соседней яхте возится с парусами типичный морской волк. Коричневый, сухой. Блондинистые волосы падают на лоб. Он пристально смотрит на меня. И вдруг я понимаю, что это Лёха Белешов. Беляш.
– Здорово, Лёша, – то ли вслух, то ли мысленно произношу я, почему-то я не смог назвать его Беляш. – Ты меня узнал?
– Конечно, узнал.
Он улыбается, протягивает руку.
– Что ж ты не спрашиваешь – откуда я, почему здесь?
– А я про тебя всё знаю. Закурим?
Он лезет в карман шорт. И я догадываюсь, какие вот-вот увижу сигареты.
И просыпаюсь.